На следующий день в зале Чэндэ гражданские и военные чиновники разделились на левую и правую стороны, чтобы вместе представить придворные мемориалы.

По просьбе Сюй Гуанчжи несколько великих ученых уже подготовили рекомендательные письма для доклада императору. Когда уездный князь Цзин вышел вперед и призвал Сюй Гуанчжи войти в кабинет, они тоже последовали за ним и выступили вместе. Отец Гуань сделал шаг вперед и уже собирался поддержать предложение, но услышал, как его старик с гневом опровергает: "Доложите императору, что Сюй Гуанчжи лишен личных достоинств, развратился и не может стать чиновником..." Наконец, он развернул в руке длинный памятник и слово за словом произнес.

Отец, разве мы не договорились, что не будем бить по лицу уездного князя Цзина в суде? Твоим словам нельзя верить, а! Отец Гуань в душе вздохнул, но его лицо ничего не показало. По его наущению несколько ученых-легилистов, готовивших импичмент Сюй Гуанчжи за сожжение книг и выброс статей, в этот момент тоже были застигнуты врасплох. Они никак не ожидали, что старый мастер Гуань окажется настолько прямолинейным, и даже разорвал молодое поколение своей собственной школы. Однако, слушая его, они были тронуты его великолепной аурой и откровенностью "не стыдясь неба, не стыдясь людей", и один за другим были тронуты до слез.

Незадолго до этого была обнародована политика Конфуция, и у придворных министров были свои собственные школы мысли, естественно, они беспокоились об ущербе своим интересам. А высказывание Сюй Гуанчжи об "отмене ста школ мысли" еще больше осложнило их и без того шаткое положение. Если бы они не сменили полосу движения и не вышли из игры, то нельзя было бы сказать, какова судьба этих классиков легализма завтра. Однако просить ученых отказаться от того, чему они учились всю жизнь, и неохотно принять идеи, с которыми они не согласны, было более жестоко, чем прямо обезглавить их.

Поэтому они хотели бороться против Сюй Гуанчжи до конца, но они также знали, что император не откроет глаза на другие школы, и они могли только бороться до конца и пожертвовать своей жизнью за праведность. Однако, они не ожидали, что как конфуцианский мастер и императорский учитель, старый мастер Гуань, встанет на шаг впереди них и будет тщательно критиковать. Если бы все конфуцианские ученые были такими же добродетельными, как старый мастер Гуань, литературный мир непременно процветал бы, двор был бы стабильным, а общество имело бы долгую историю.

Когда старый мастер Гуань закончил красноречиво читать памятки, двор зааплодировал, и даже генералы, которые всегда враждовали с государственными служащими, тоже взялись за руки, и второе движение продолжилось.

Действия Сюй Гуанчжи были очень заметны. Нет, следует сказать, что в этих двух жизнях он был маленькой посудиной, которую легко наполнить, не обращая внимания на других. Разница была в том, что в предыдущей жизни его поддерживал император Шэн Юань, а в этой жизни он мог только держаться за власть и планировать каждый шаг. Один момент судьбы также сильно изменил все. В прошлой жизни он жестоко расправлялся с учеными других школ, не

обязательно наживая себе врагов, но благодаря своей сильной поддержке и глубокому происхождению, он всегда стоял твердо. Но в этой жизни он показал себя без сил, чтобы защитить себя, и судьбу после противостояния бесчисленным врагам можно было себе представить.

Он думал, что все служители конфуцианской школы поддержат его, но он забыл, оценит ли тот, кто был главным, то есть старый мастер Гуань, его стиль издеваться над другими, сжигать книги и отменять легализм. Ответ был таков: не оценит, а даже возненавидит!

Впервые император Шэн Юань внимательно прислушался к словам своего учителя. Из-за его эгоистичного отстаивания легализма и неприятия конфуцианства его впечатление о старом мастере Гуане всегда оставалось на уровне конформизма и невежества. После того как он тайно привязался к Гуань Суй, он начал заново изучать старика и в конце концов обнаружил в другом человеке преданность, честность, прямоту и праведность, скрытые под педантичностью и упрямством.

Но Гуань-отец был еще интереснее. Внешне он был гигантом конфуцианства, но в частной жизни он был очень близок с учеными разных школ, а также чрезвычайно сведущ в различных школах мысли. Не было преувеличением сказать "всеведущий и всемогущий, сведущий в путях мира". Когда он входил в суд, он был подобен дракону, обращенному в бездну, а ветер и облака поднимались вверх.

Неудивительно, что у Гуань Суй было чистое сердце и элегантный характер, наделенный прекрасными духами вселенной, ее семейное обучение было фактически источником, на который повлияли видение и слышание. В это время император Шэн Юань не знал, что в Центральной равнине есть поговорка "Люби дом и его ворона". Если ему кто-то нравился, то, естественно, ему нравились и все близкие люди. Поэтому отец и сын семьи Гуань, к которым он раньше испытывал неприязнь, теперь тоже вызывали у него восхищение.

В это время он все еще мучился, сопротивлялся и подавлял свои чувства, но это не помешало ему еще больше возвысить семью Гуань. Когда аплодисменты и голоса поддержки постепенно стихли, он сказал: "То, что сказал императорский учитель, очень верно, Сюй Гуанчжи жаждет быстрого успеха, ему не хватает личных достоинств, и он не достоин быть чиновником".

Видя, что уездный князь Цзин, казалось, собирается спорить, он продолжил: "Святая идея Чжэня - "продвигать конфуцианскую семью, подавлять сто школ", но он неправильно истолковал ее как "упразднить сто школ и уважать только конфуцианство". Если чиновник даже не может понять Священную волю, что толку? Четкое наказание легализма, доброжелательность конфуцианства, всеобщая любовь моизма, защита своей страны военной школой... Каждая из ста школ мысли имеет свою собственную силу и стремится к наилучшему результату. Ученые каждой школы энергичны и деятельны, обладают высоким боевым духом. Поэтому, когда в моей Великой Вэй расцветают сотни цветов и соревнуются сотни школ мысли, гражданские и военные чиновники подражают добродетельным и объединяют свою волю, зачем беспокоиться, что общество нестабильно, а страна не сильна? Чжэнь уважает конфуцианство из-за одного иероглифа "доброжелательность", доброжелательность к своим подданным и доброжелательность к народу, так как же можно подражать тиранической Цинь,

которая практиковала "сжигание книг и закапывание живьем конфуцианских ученых"? Вы можете иметь свои собственные мысли, а у Чжэнь также есть политика управления страной, вы так думаете?"

После нескольких слов уездный князь Цзин не смог опровергнуть и постеснялся говорить, в то время как сотни гражданских и военных чиновников опустились на колени на землю, чтобы прокричать "Да здравствует", а старый мастер Гуань был тронут до слез глубокой благосклонностью и добротой императора, он радостно подчинился.

Вступление Сюй Гуанчжи в чиновники было отменено именно так. Император Шэн Юань продолжал заниматься другими государственными делами, а затем предложил усовершенствовать правовой кодекс и восстановить порядок. Поскольку вначале была проявлена благосклонность к ученым разных школ, гражданские и военные чиновники были очень отзывчивы, кроме восхваления императора как просвещенного монарха, возражений не было.

http://tl.rulate.ru/book/67090/2417877